

КРОКОДИЛ

№ 14 • МАЙ 1975

КОГДА ВЗРОСЛЫЕ НЕ УСПЕВАЮТ...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

«Двор нашего дома захламлен осколками тяжелых плит, ржавой арматурой. Жильцы жалуются в домоуправление, а домоуправление возвращает им жалобы с припиской, что не может найти виновных. А между прочим, среди жильцов десятки здоровых, сильных мужчин, которым убрать этот строительный мусор ничего не стоит. Как ничего не стоит домоуправлению организовать эту работу. Так нет же — пишут и отвечают. И накопилось уже такой переписки несколько томов...»

И. КУЗНЕЦОВА (г. Омск).

На ничейных овсах

Прочитав это письмо, мне захотелось говорить не о доме, а о лошадях. Пусть извинят меня читатели, но это право фельетониста.

Конечно, в наш индустриальный век разговаривать о лошадях смешно.

Действительно, что мы видим в этом друге человека? Хвост, гриву и четыре ноги. Если говорить об этом животном с точки зрения энергетической — тоже как-то странно. Сколько в ней условных лошадиных сил? Не так уж много.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, встав, например, на железнодорожное полотно и приняв на себя удар современного локомотива мощностью в четыре тысячи лошадиных сил, лошадь сама по себе не всегда выходит победителем. То есть где-то она отстает от прогресса.

Об этом исторически неизбежном факте нам сообщили из Щекинского линейного пункта милиции.

Надо сказать, что факт этот был изложен не в сухой, протокольной форме, а с каким-то теплым оттенком. Нам даже показалось, что милицейский инспектор, прежде чем сесть за это письмо, снял с себя фуражку и китель, чтобы уж ничем не отличаться от обыкновенных граждан. То есть он писал, как человек, которому просто-напросто жалко лошадь, несмотря на то, что кругом уже полно тракторов. Он писал о том, что на вверенном ему участке мощные локомотивы убивают беспризорных лошадей.

И действительно, бродят по железнодорожному полотну ничьи, бездомные, бесприютные лошади, бродят не стреноженные, и никому их не жаль, кроме милиции.

И милиция ловит какую удастся и ставит на свои овсы, пока найдется хозяин, а какую не удастся — оплакивает. Так недавно сокрушался линейный пункт по поводу того немногого, что осталось от племенного жеребца стоимостью в хороший трактор.

Этот бездомный жеребец переполнил чашу терпения, и милиция написала в райисполком, самому председателю: доколе будет продолжаться этот опасный непорядок?

И тут случилось нечто противоположное здравому рассудку. Председатель ничего не ответил милиции. Но зато количество бродячего поголовья увеличилось. Возможно, это была форма ответа не словом, а делом. Дескать, не лезьте не в свою компетенцию: пускали мы лошадей на все четыре стороны и пускать будем.

Тогда милиция почесала затылок, взяла новый листок бумаги и написала на ту же тему в сам облисполком.

И правильно сделала потому, что из облисполкома пришел ответ: меры приняты.

И действительно, лошади стали гибнуть более «организованно». И если до письма они гибли по одной, то после ответа-привета стали погибать парами.

И тогда милиция взяла третий листок бумаги и написала письмо в «Крокодил».

Из этого письма мы узнали, что упомянутые животные были никакие не бродячие. Все они до выбраковки значились на балансах окрестных совхозов, а после — были с балансов сняты. Так что теперь их как и не было. Если теперь заявить в совхоз и спросить: «А где, братцы, трехтысячный жеребец?» — так братцы даже оком не моргнут: какой, мол, жеребец? Второй раз слышим...

Когда должностное лицо пишет в «Крокодил» — дело труба. Это значит, что жизнь его подошла к грани, за которой начинается полное отчаяние. Это значит, что по линии добра было сделано все, и робкая надежда осталась только на сатиру, которая хоть скажет этим деятелям, кто они есть.

В полной безнаказанности кидаются они государственным достоянием, к коему приставлены в качестве хозяев.

Ведомственное легкомыслие освобождает их от труда присесть и подумать: что же мы делаем? Как могло случиться, что, научившись отписываться от сигналов, мы разучились треножить лошадей?

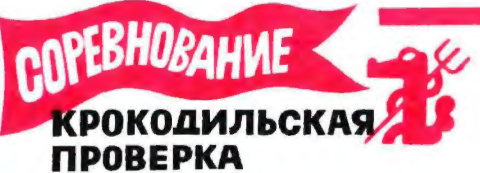
Граждане, это же что происходит? Это ж они в конце концов поезд с рельс своротят!

Если бы лошадь могла говорить, она бы с присущим ей добродушием укоризненно сказала:

— Экие же вы хозяева!..

Фельетонист





КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

ВОТ ОНО КАКОЕ У НАС!

Подозрения появились еще по пути в колхоз. Секретарь парткома М. И. Новицкий говорил о всяком разном, не касаясь только главного.

«Ладно, — думал я, — подождем, увидим...»

Первое, что мне показали, была центральная диспетчерская с автоматизированной системой управления.

— Понятно! — сказал я себе, увидев пульты с телефонами, кнопками, карту полей с красными и зелеными лампочками и макетиками тракторов, стенды с движущимися показателями надоев, привесов и приплодов... радиостанции, схемы связи... — Красиво! Но... не то.

— Поедем на племзавод? — спросил Новицкий. — У нас там выращивают свиней крупной белой породы. А можно и на новый молочный комплекс. Там тоже интересно... по последнему слову...

«А соревнование? — думал я. — Где оно у вас, это самое соревнование?» А вслух сказал:

— Поехали!

Знакомясь с комплексом, я старался не слишком ахать и охать от восхищения. Ну, комплекс на 1300 дойных коров под одной крышей... Ну, кондишен в коровнике... Ну, душевые для доярок... Ну, физиотерапевтический кабинет с электрофорезом, кварцем, ультразвуком и прочими УВЧ... Ладно. Это, как говорится, привлекательно. И телеустановка ПТУ-103 м — тоже ничего. Сидишь себе, значит, у пульта, кнопки нажимаешь и видишь на мониторах, что в данный момент творится среди, извините, коров. 6 стационарных и 6 подвижных камер к вашим, можно сказать, услугам. Не спорю, это тоже красиво. Но мне-то нужно совсем другое.

— Что ж, поговорим с доярками? — предложил я.

— Сейчас нельзя, — категорически заявил красивый великан, он же главный зоотехник, он же начальник цеха животноводства по фамилии Бахов Г. Н. — Извините великодушно, отвлекать разговорами мастеров машинного доения во время работы у нас не практикуется.

— Мастеров?

— Ага, доярок, по-вашему. У них у каждой по шестьдесят пять дойных коров. Хочешь не хочешь, станешь мастером. Иначе другой станет...

Я стал было проявлять настойчивость в отношении беседы, но меня уговорили подождать. И я ждал, пока не было выдано на-гора положенное количество молока. Лишь после этого появились пять улыбающихся мастеров в белоснежных халатах и таких же шапочках.

— Товарищи мастера, как вы относитесь к социалистическому соревнованию? — обратился я.

— Хорошо относимся, — еще больше заулыбались мастера, — даже очень!

— А с кем вы, например, девушка, соревнуетесь? — спросил я у одного из мастеров.

— Ой, — сказала она покраснев, — а откуда вы узнали? Михаил Иваныч Новицкий сказал? Да?

Я многозначительно промолчал, так как, сами понимаете, ничего абсолютно не знал. Но Лида Шилина, так звали девушку, все рассказала сама. Искусству доения ее обучала А. И. Масленкова, та самая, которая, можно сказать, своими руками наполнила молоком 19 железнодорожных цистерн, которая кавалер ордена Октябрьской Революции и достижения которой вдруг собралась перекрыть ее же ученица. Сама ученица по этой причине страшно смущалась, но отступать и не думала.

— Как же вы этого собираетесь добиться? — спросил я.

И тут заговорили все: и сестры Дуся и Катя Суичмес, и Маша Иванова, и Мария Ивановна Ромалийская.

— Она плачет, если у нее какая-нибудь корова чуть снизит надои...

— И бежит в лабораторию, чтобы корове сделали анализ крови...

— На предмет выяснения, чего там не хватает — калия или натрия...

Все говорили и улыбались. Только Лида немного рассердилась.

— Подумаешь! А вы не бегаете в лабораторию? Или не устраиваете симпозиумов с операторами? Или не хотите обогнать тех, с кем соревнуетесь?..

Позже, в машине, я упрекнул Новицкого:

— Что же вы меня не подготовили к этой встрече?

— Зачем? Вы сами должны были все увидеть... так сказать, в первозданном виде.

— Сам, значит?! Тогда и собеседников буду выбирать сам. Едем вон к тому агрегату, который в поле.

Игнат Федорович и Петя Полковниковы сеяли люцерну. Отец и сын — механизированное звено.

— С кем-нибудь соревнуетесь?

— А как же! Как все, так и мы! В позапрошлом году, значит, в семьдесят третьем, работали с младшим моим сыном Иваном на поливном поле. И получили кукурузы по сто десять центнеров с гектара. Удобряли при севе, при рыхлении и еще дважды. Химию сами на поле доставляли... А сосед с того поля, который с нами соревновался, все посмеивался: чего это ты, Игнат, — говорит, — с удобрениями таскаешься. Пока ты мешки ворочаешь, я запросто еще полгектара обработаю и нормочку на сто пятьдесят процентов выполню. И завтра. И послезавтра...

— И чем это кончилось? — нетерпеливо спросил я.

— А тем, что он действительно каждый день перевыполнял. Только забыл про эту... как ее, про перспективу. Ну, итог, значит. У меня сто десять, а у него, извиняюсь, шестьдесят семь центнеров... А теперь я на соревнование другого вызвал. Ну, бывайте, а то трактор застоялся.

Он ушел, а Новицкий, так, вроде между прочим, сказал:

— Сейчас найдем того товарища. Киров его фамилия, Василий Петрович.

Киров что-то ремонтировал в мастерских.

— Готовлюсь, — сказал он. — А в прошлом, семьдесят четвертом, поработал вроде неплохо. Семенной гибрид выращивал «Краснодарский-303». Ох, и повозился я. Особенно на обработке да с удобрениями. Мы с сыном Петей все сами вдвоем делали и добились...

— Знаете, как это называется? — спросил у меня Новицкий, когда мы попрощались с Кировым. — Закрепление опыта при соревновании.

— А какой еще урок вы мне преподадите?

— Какие уж тут уроки! Просто демонстрирую, так сказать, что у нас есть, чего еще нет...

На племзаводе нам встретился Александр Петрович Добрев. Он оказался не очень разговорчивым, да и был занят — кормил своих подопечных. Сказал только, что если вечерком заглянуть к нему домой, он покажет свои атласные ленты с надписью «Победителю соревнования». А соревнуется он с Добревой Верой Михайловной, которая совершенно не родственница, а исключительно однофамилица.

Однофамилица оказалась женщиной вполне общительной.

— Мы тут все в конкурсе участвуем — кто поросят малых выращивает, кто потом у них привесы курирует... А с Александром у нас еще личное соревнование. В последний раз, когда заключали, я беру, значит, на этот год вырастить по двадцать поросят от свиноматки. И он по двадцать. Тогда я говорю — беру по двадцать одному. И он столько же. Тут я уж не выдержала и взяла по двадцать два. Так знаете, что он сделал? Тоже, говорит, по двадцать два беру! Вот упорный мужик! Теперь я этого каждого розового обжору чуть ли ни как дитя с ложечки кормлю. Не дай бог, чтоб похудел, или ушибся, или объелся... Представляете, времени нет, чтоб водительские права получить. Потому как у меня «Жигули» новенькие. А у Александра пока нет. Хоть в этом его обошла.

Поздно вечером мы добрались до кабинета секретаря парткома, и я извинился перед ним за утренние подозрения.

— Но все-таки вы хитрец, Михаил Иванович. Случайно не в разведке воевали? — показал я на его орденские планки.

— Нет, тут вообще больше трудовые. Поскольку воевать пришлось всего восемь месяцев на боевых катерах Дунайской флотилии... Молод еще был.

Потом он показал мне многочисленные атрибуты гласности соревнования, в том числе и ежедневные талоны механизаторам за качество. На них наискосок стояло красное «отлично» или зеленое «хорошо». Рассказал он и о соревновании с Волгоградским совхозом «Волго-Дон» и многом другом.

— Я, знаете, сторонник специализации и в организации соревнования. Чтобы итоги подводились ежедневно. Чтоб все знали, как сработал каждый.

Вот оно какое — это соревнование!

Одесская область.

Р. КИРЕЕВ



Косточки на тротуаре

Я читаю письмо Дорониной Е. А., коренной ленинградки, что живет на знаменитом Васильевском острове. Я читаю это письмо, и фантазия, как ни обуздываю я ее, подсовывает мне картины рельефности удивительной. Вот только что не Васильевский это уже и вообще не Ленинград, а некий среднестатистический городок с переулками Каленый и имени Нины Поймаловой, областной изобретательницы.

А дальше рисуется водопроводная колонка (что между переулками), застланная ввиду торжественности вафельным полотенцем. Это трибуна. Пенсионер, представитель Каленого, упирается в нее левой рукой, а правую вздымает вверх, говоря:

— Мы вызываем вас на соцсоревнование, нинопоймаловцы! Мы обязуемся:

а) Ходить лишь по тротуарам переулка, а проезжую его часть навсегда оставить автомобилям и гужевому транспорту.

б) Не петь в переулке хоровых песен.

в) Не выплевывать в переулке косточек от слив, равно как и от других плодовых культур.

Сказав так, пенсионер-представитель покидает трибуну, уступив ее домохозяйке с «Нины Поймаловой». От имени переулка домохозяйка принимает вызов. Торжественно обязуются нинопоймаловцы не ходить, не петь и не засорять соревнующуюся территорию косточками плодово-ягодных, распространив последний пункт и на бахчевые. После этого все идут по домам. Запыхавшийся пенсионер-представитель настигает в воротах домохозяйку.

— Простите, барышня, полотенчико-то мое. Вот метка.

...Написал это и думаю: расшалился-таки, скажут, автор. Довел до абсурда. Проявил неуважительное отношение к такому важному делу, как соцсоревнование. А я в ответ:

— Извольте! — и предъявлю письмо коренной ленинградки Дорониной. Жительница Васильевского острова повествует в нем о собрании домового актива, где с правильным пафосом говорилось о том, что нужно вовремя платить за квартиру и при этом желательно как можно реже заливать водой нижеживущих. Затем были вдоволь розданы отпечатанные типографским способом соцобязательства.

На второе место была потеснена квартплата, первый же пункт был отдан, пардон, местам общего пользования. Печатную клятву давал квартиросъемщик своевременно производить в этих (еще раз пардон) местах ремонт, причем не просто ремонт, не какой-то там капитальный или текущий, а косметический. Так сказано в документе.

Засим следует, как я уже сказал, пункт о квартплате, а затем снова (и я снова извиняюсь перед вами, читатель) о тех самых местах. На этот раз квартиросъемщик обязуется своевременно производить их уборку. Из этого логически вытекает пункт № 4: «Уважать друг друга...»

Вот ведь как получается. Жили люди год, два или десять и совсем не уважали друг друга. Например, архитектор Неиванов из девятой квартиры говорил жене, на ночь глядя, о вагоновожатой Дулдовой из квартиры № 17:

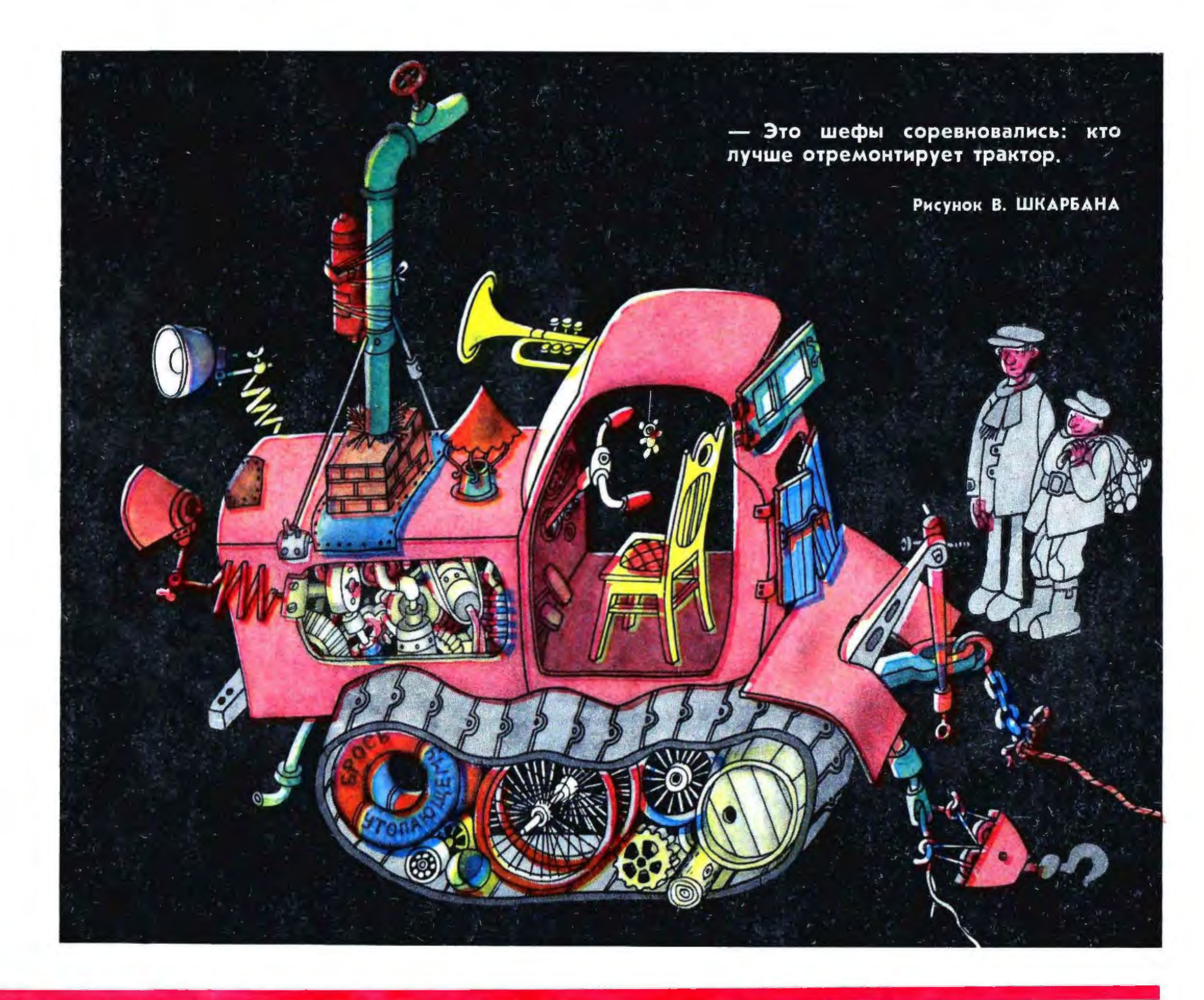
— Экая же эта Дулдова! Раскрашивается на манер Сальватора Дали, трамвай налево гоняет, да еще кота завела, от которого псиной несет.

Так было год, два или десять, а как приняли обязательство уважать друг дружку, так — иное.

— Что за прелесть эта Дулдова! Глаза какие! Мсье Ренуара бы сюда, Огюста — запечатлел бы! А кот у нее — у-у! До чего умен, собака!

Конечно, это нехорошо, когда тротуары усыпаны сливовыми косточками, равно как и других плодовых культур. Но надо ли соблюдение элементарной чистоты возносить в высокий ранг социалистического соревнования? Надо ли азбучные правила человеческого общежития обрамлять красочными гирляндами из вымпелов, грамот, типографских клятв и почти мемориальных досок?





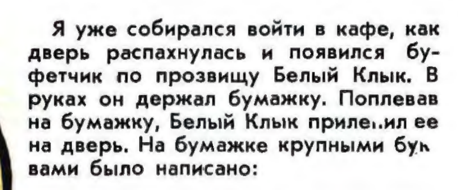
— Это шефы соревновались: кто лучше отремонтирует трактор.

Рисунок В. ШКАРБАНА

Е. ДУБРОВИН

МЕТАМОРФОЗЫ БЕЛОГО КЛЫКА

(Опыт плагиата)*



Я уже собирался войти в кафе, как дверь распахнулась и появился буфетчик по прозвищу Белый Клык. В руках он держал бумажку. Поплевав на бумажку, Белый Клык прилепил ее на дверь. На бумажке крупными буквами было написано:

КАФЕ № 37
С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ
РАБОТАЕТ ПО НОВОМУ ПОЧИНУ
ПОСЕТИТЕ НАШЕ КАФЕ!

— Ты будешь нашим первым посетителем,— сказал мне Белый Клык,— а потому тебе положен сувенир.

С этими словами буфетчик увел меня в кафе и вручил огромную деревянную ложку, на которой славянской вязью было написано: «СЕМЕРО С СОШКОЙ — ОДИН С ЛОЖКОЙ» ОТ КОЛЛЕКТИВА КАФЕ № 37 ПОСЕТИТЕЛЮ № 1.

Пока я недоумевал, что это за почин, когда семеро с сошкой, а один с ложкой, мой столик уставили серебристым хеком.

— Ешь на здоровье. Учти — бесплатно. А что не усидишь — забирай с собой.

Я съел хека сколько мог, остальное сложил в подаренную ложку, накрыл салфеткой и спросил Белого Клыка:

— Это и есть новый почин?

— Да,— гордо ответил Белый Клык.— Мы кормим тебя на сэкономленном сырье.

— Значит, как это... вы решили...— я осторожно стал подбирать слово.— Не... это самое...

— Ты хочешь сказать, не воровать? В точку попал. Ни-ни-ни. Ни чуть-чуть. Представляешь, какая экономия нервов! Со сковородки тащишь — обжигаешься, кошелку домой несешь — руки все поотрываешь. А ОБХСС? Играют с тобой в кошки-мышки. Что мы им маленькие, что ли? Я тебе скажу больше.—Белый Клык понизил голос.— Мы даже свои трудовые решили добавлять. Главное, чтобы вам, так сказать, потребителю, было хорошо. Потребляйте на здоровье. А мы что... мы сфера, обслуживаем вас, так сказать, угождаем. Не мы для вас, а вы для нас. То есть в смысле наоборот. Заходи!

На следующее утро пришел я с большой ложкой, а кафе уже битком набито, все едят, аж за ушами трещит. Наелся я, наложил ложку хека, закрыл салфетками и сижу, жду, что дальше будет, поскольку двери кафе закрыли на засов. Тут выходит на середину Белый Клык и говорит:

— Дорогие друзья! Братья и сестры! Мы вас очень любим! Вы для нас, а не мы для вас. То есть, извините, в смысле наоборот. Мы тут подумали, посоветовались, что бы еще для вас сделать? И решили каждый... того... взять на полный прокорм по семь человек... Ибо не важно количество, а важно качество. Каждый член нашего коллектива выбирает себе из зала семь человек и кормит их до отвала на протяжении всей жизни.

— Да что же это такое?! — закричал кто-то испуганно.— Смеются они над нами, что ли?!

— Прошу тишины и с места не двигаться,— перебил Белый Клык.— Разбирайте их, товарищи!

Тут распахнулись двери внутреннего помещения, и в зал гуськом вошел весь коллектив кафе, включая уборщицу и кочегара дядю Петю. Работники общепита стали ходить между столиками, выкрикивая:

— Этот мой! Этого в синем пиджаке прошу записать! Говорите ваше фамилиё, товарищ.

— Людей, не вошедших в семерки,— закричал Белый Клык,— попрошу очистить помещение!

Я, как номер первый, естественно, остался.

Ну, думаю, вот это жизнь. Стыдно даже как-то. Однако поборол стыд и на следующий день опять являюсь с большой ложкой в кафе.

А состав кафе уже весь налицо выстроился. Тут выходит вперед Белый Клык и говорит:

— Дорогие друзья! Братья и сестры! Мы вот тут посоветовались и решили еще кое-что для вас сделать. Так сказать, новый почин. Потому что не мы для вас, а вы для нас. То есть, сами понимаете, наоборот. Слово от местного комитета имеет наш уважаемый кочегар дядя Петя.

Тут выходит вперед человек с большим красным носом, вытаскивает из кармана мятую пачку сигарет «Дымок» и, глядя в нее, читает:

— Коллектив нашего кафе, идя навстречу возрастающим потребностям потребителя и помня, что в нашем деле важнее качество, а не количество, решил не только вкусно кормить клиента, но и красиво, модно, со вкусом его одевать. Каждый член коллектива берет на полное довольствие трех посетителей.

С радостным гулом коллектив пошел между столиков, помечая нам спины мелом.

— Остальных прошу очистить помещение,— сказал Белый Клык.

Наутро я, нарядно одетый, со своей большой ложкой опять был в кафе. Сердце мое трепетало. Неужели и сегодня новый почин?

Когда мы все собрались, вышел Белый Клык и сказал:

— Товарищи! Мы решили еще повысить качество. Так сказать, чтобы не потребитель шел к нам, а мы к потребителю. С этой целью мы при кафе переоборудуем одно из подсобных помещений в трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Клиент будет жить при кафе, и пищу мы станем доставлять ему прямо на квартиру. Это касается посетителя номер один, остальных прошу очистить помещение.

Квартиры у меня не было, и поэтому наутро, волнуясь, я уже чуть свет был у дверей кафе. Но в обычное время кафе не открылось. Не открылось оно и через час, через два. Может, какое-нибудь ЧП? Взорвалось что-нибудь, сгорело?

Тут из кафе вышел Белый Клык с помойным ведром.

— Здравствуйте,— улыбнулся я ему.— Готова трехкомнатная квартира со всеми удобствами?

— А-а,— сказал Белый Клык,— номер один... Помню... Как же... Давай сюда твою ложку... Ты у нас вчера до полуночи числился, а потом и тебя сократили. Так что теперь у нас нет посетителей. Без посетителей будем работать.

— Как же так? — удивился я.— Кафе, а без посетителей... Такого не может быть...

— А зачем ты нам нужен? Помещение у нас есть? Есть. Штатное расписание есть? Есть. Продукты возят? Возят. План мы выполняем по валу. Вот мы и приняли новый почин: обходиться без посетителей.

Я растерянно огляделся. Все вокруг кипело жизнью. Урчали автокары, дымили трубы, шипел пар, грузчики в синих халатах дружно таскали свиные туши, из форточек доносился треск арифмометров... Только двери кафе были закрыты.

Из кафе вновь вышел Белый Клык с помойным ведром. Он выплеснул помои на мои брюки и пролаял:

— Проваливай, говорено же тебе, в кафе новый почин: не вы для нас, а мы для себя. И никак наоборот.

Белый Клык ушел, хлопнув дверью. И закрыл ее на засов.

* Источники: Овидий Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.). Джек Лондон (1876—1916).

Андрей ВНУКОВ

Все, но не точно...

(Из одного выступления)

«...Победили мы соперников законно.
Из района, что повыше по реке,
Помню точно я название района —
Начинается на «Зе» или на «Ке»...

Мы, во-первых, обогнали их досрочно,
Тот колхоз отстал от нас давным-давно,
Я название колхоза помню точно —
Начинается на «Е» или на «О»...

Поражение свое признал публично
Председатель, что стоит там во главе,
Помню я его фамилию отлично —
Начинается на «Ге» или на «Ве»...

Помню точно, год назад мы с ним толково
Обсуждали обязательства не зря
То ли первого апреля, то ль второго,
А точней всего — седьмого... декабря!

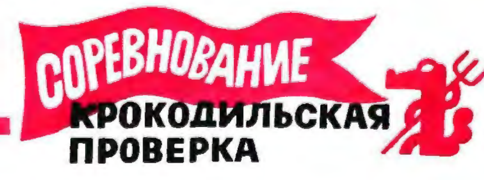
Обсудили обязательства в деталях,
Чтобы каждый мог другого обогнать,
Мы тогда же обогнать их слово дали
Иль на сто процентов, иль на двадцать пять...

А потом соревноваться стало проще,
Потому что без особенных забот
Мы чего-то на две тонны сдали больше,
Чем на тот же день за позапрошлый год!

А еще мы обошли их в урожае
Этой самой... ну, зеленой... В общем, злак...
Начинается на «Ре», она, я знаю,
А кончается на «Же» и мягкий знак...

И теперь не удивляемся мы сами:
Мы победу одержали потому,
Что растили мы таких... больших... с рогами...
Начинаются на «Бе-е-е-е!» или на «Му-му-у-у!»

Мы соперников своих бы угостили,
На банкете бы распили «Ко...» и «Во...».
Пригласить бы тех, кого мы победили,
Только вспомнить... победили мы — кого!!»



РАБОЧИЕ БУДНИ









Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

СМОТРИ СТР. 6

Александр ЧИКАРЬКОВ

Любимая команда

— Папа, а как насчет абонемента на футбол? — вкрадчиво произнес третьеклассник Вова.

Папа отложил газету и внимательно взглянул на сына.

— Абонемент на футбол...— задумчиво сказал он.— Ну что ж, абонемент у тебя может быть на некоторых условиях.

— Каких же? — спросил Вова.

— Прежде всего ни одной тройки,— ответил папа.

— Ты хочешь сказать, ни одной двойки?— проговорил Вова.

— Нет, сынок, я точно сказал — ни одной тройки... чтобы были только четверки и пятерки. Затем еще такое условие, чтобы ты всегда чисто выглядел и был аккуратно причесан.

— Что я киноартист, что ли? — мрачно произнес Вова.

— Затем ты должен себя хорошо вести, быть примерным мальчиком...

— Папа, а ведь что может получиться...— произнес Вова.— Я буду себя хорошо вести, а «Динамо» не выиграет первенство и не возьмет кубок.

— Не думаю,— ответил папа,— команда хорошая, сыгранная, играет в красивый, современный футбол...

— Ладно, буду себя хорошо вести,— вздохнув, проговорил Вова.

— Затем вовремя, без возражений ложиться спать,— продолжал папа,— без капризов съедать все, что тебе подадут, не увлекаться мороженым, никаких драк с мальчишками из дома напротив, не дразнить девочек, не бегать по крыше...

— И это все за один абонемент?! — воскликнул Вова.

— За один абонемент,— кивнул головой папа,— ты получишь его, выполнив все эти условия. И тогда ты, сидя на своем постоянном месте, на стадионе, будешь с удовольствием смотреть, как твоя любимая команда забивает голы, выигрывает первенство... Ну как, договорились?

— Договорились,— вздохнув, произнес Вова.

— Сам Иван Иванович обещал прийти поработать...

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА





Сыну моего отца — неграмотного кочевника дореволюционного Азербайджана очень повезло. Он окончил Литературный институт имени М. Горького. Его стихи переведены на многие языки народов СССР. Он много ездит по родной Советской стране, имеет друзей разных национальностей...

Этим сыном являюсь я сам...

Ибрагим КЭБИРЛИ

ТЯЖКИЙ ГРУЗ

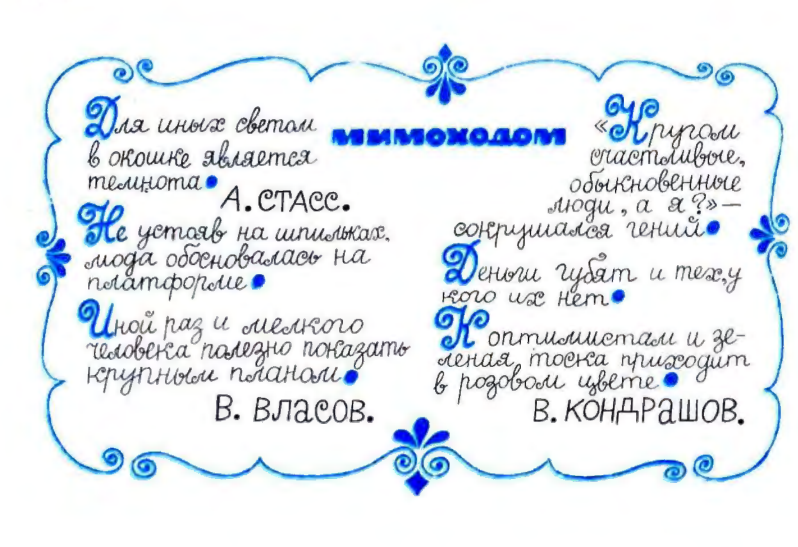
Дородно было тело у него,
Но не любил он тела своего.
Сердито на него кидал он взгляд,—
Кто полноте своей бывает рад!
Он горевал, что вес его не мал,
Что он отяжелел и грузным стал.
Характер тяжелеет с каждым днем,
Налиты ноги гулким чугуном...
Когда он видел радостных людей,
Не мог он спрятать зависти своей,
И каждый миг, и каждый день и час
Сочилась злоба из открытых глаз.
Он помрачнел, немой тоской томим.
Тогда-то я и повстречался с ним.
И я сказал:
— Встань на весы, мой друг,
Догадываюсь я, каков недуг.
Тебе я помогу, пожалуй, но...
Есть у меня условие одно.
Когда ты встанешь на весы, забудь,
Что ненависть тебе терзала грудь,
Что отравляла желчь слова твои.
Наполни сердце пламенем любви
И доброе старанье приложи,
Чтоб речь была свободной ото лжи.
И взгляд его оледенел на миг,
На миг оледенел его язык.
И в напряженно стынущей тиши
Всплыла печаль из глубины души.
Как ил со дна, как слипшаяся грязь,
Глухая зависть тотчас поднялась.
И жадность, и корысть, и страх слепой —
Все, двигаясь, смешалось меж собой,
Вся эта накипь, черная, как ночь,—
Все поднялось и отлетело прочь!
И, приглядясь внимательно к весам,
Своим глазам он не поверил сам:
Увидел он, что главного достиг,
Что вес его не так уж и велик;
Еще немного, и его на вид
Никто от остальных не отличит.
Он ликовал, и жизнь была светла:
Он сбросил бремя зависти и зла.

Перевел с азербайджанского Яков СЕРПИН.





Со стр. 5



Наум ЛАБКОВСКИЙ

Рассказ

НЕЗАУРЯДНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Я прошелся по потолку и спустился по стене вниз. Хозяин дома зевнул.

— Ваше мнение? — обратился он к гостям, сидевшим вокруг стола.

— Было! — откликнулся лысый старикашка.

— Было, было! — на разные голоса подхватили другие.

Я посмотрел на Галину и обессиленно опустился на стул. Галина старалась не встретиться со мною взглядом. Может, ей было стыдно. Но за кого? За меня или за всех этих старикашек, рыхлых, тощих, лысых, полулысых, седых, крашеных, что окружали большой старомодный, овальный стол, пили, чавкали, чмокали и следили за мной холодными, ничего не выражающими глазами?

«Что делать? — стучало у меня в мозгу.— Я теряю Галину».

Старикашки чокнулись, выпили, закусили и стали злорадно переговариваться между собой.

— Ну, хорошо! — со слабой надеждой произнес я.— Вы говорите «было». Но это голословно. Докажите, где и когда!

— Помню, перед войной, — зашепелявил зловредный старикашка, что сидел по правую руку от хозяина дома,— в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха был аттракцион под названием «Параболоид чудес». За тридцать копеек каждый желающий мог в нем разгуливать по потолку, сколько ему вздумается.— Он мечтательно прикрыл глаза. — Помню, мы с Катенькой, царствие ей небесное, сами неоднократно так прохаживались. Правда, после подташнивало...

— Было! Было! — закивали головами старикашки.

— Солнечное затмение тоже было!— рассвирепел я. — И не раз! Это вовсе не значит, что вы не коптите стекла, ожидая нового.

— Э! Так то солнечное затмение! — возразил один из гостей.

— Делаю еще одну попытку, — сказал я, поднимаясь с места.

Галина бросила на меня взгляд, полный отчаяния.

— Надеюсь, вы не собираетесь на глазах у нас превратиться в пар? — съехидничал лысый.

Все захихикали.

— Почему же! — давясь от смеха, прокашлял сидевший справа от хозяина. — Испариться перед свадьбой—это теперь модно.

Я вышел из себя. Теперь нас было двое. Первый «я» продолжал сидеть на стуле. Другой — нервно прохаживался взад-вперед по комнате.

— Прекратите глупые шутки! — возмутился лысый. — Я не могу смотреть на вас обоих сразу. У меня сделается косоглазие.

— Это тоже, по-вашему, было? — спросил я — тот, что расхаживал по комнате.

— Вульгарное раздвоение личности,— пояснил высокий прямой старик. — Это явление описано в любом учебнике психопатологии.

Я взглянул на себя, сидевшего на стуле. Что-то такое жалкое, безнадежное было в моей позе. Неужели все кончено? Нет, будем бороться. Я взмахнул руками, как крыльями, и поплыл в воздухе над щедро сервированным столом.

«Неужто и это их не проймет?» — подумал я, откинувшись на спинку стула и наблюдая за своим полетом.

— Как вам не стыдно морочить нам голову такими шутками! — возмутился лысый. — Это было по крайней мере в десяти юмористических рассказах как отечественной, так и зарубежной продукции.

— Хоть сняли бы ботинки! — проворчал крашеный брюнет. — А то ведь пыль с подметок сыплется в салат. Это негигиенично.

Я рухнул вниз, как самолет, пытавшийся приземлиться в густом тумане.

Старики уже не смеялись. В это время на стол подали жареную утку с яблоками, и они обо мне просто забыли.

Я заерзал на стуле. Я не мог пережить падения своего «я».

Галина сидела одинокая, бледная, окончательно для меня потерянная. Я закрыл лицо руками и заплакал...

Внезапно наступила тишина. Даже вилки и ножи не стучали. Гости прислушались.

Я плакал тихо и печально, как в детстве, после первой тяжкой обиды.

Гости поворачивали ко мне головы. Кажется, они даже забыли об утке с яблоками. Лысый старикашка привстал, чтобы лучше меня видеть.

— Он плачет? — удивился он.

— Плачет, плачет! — подтвердили вокруг.

— И как горько!..— прошептал крашеный.

— Это непостижимо... — послышался чей-то дрогнувший голос. — Молодой, современный, на все способный — плачет!

— Как давно этого не было! — мечтательно вздохнул лысый.

Я плакал. Слезы лились из моих глаз безудержно. Я любил Галину. И я ее терял. Старозаветный, своенравный Галин отец решил отдать свою дочь замуж только за незаурядную личность. Я не выдержал испытания. А как я старался! Как готовился к этим смотринам! И так позорно провалился!

Отец Галины поднялся из-за стола. Приблизился ко мне, недоверчиво провел рукой по моим щекам, как бы желая убедиться, что я не симулирую.

— Плачет! — подтвердил он.

— Он умеет плакать? — не поверил лысый. — Он в состоянии так тонко, так сильно чувствовать и переживать?

— Может, это глицерин? В кино глицерин имитирует слезы! — сказал крашеный. Протиснувшись ко мне, он лизнул мою щеку. — Слезы! — воскликнул он. — Настоящие, стопроцентные соленые слезы. О! Это незаурядная личность!..

Гости повскакали со своих мест. Окружили меня, стали тискать, душить в объятиях. Мне не хватало воздуха, я задыхался...

Я поднялся с пола и, потирая ушибленные места, поспешил к себе на помощь.

— За здоровье жениха! — услышал я трубный голос Галиного отца и пришел в себя. Теперь я опять был в едином лице, полноценный стопроцентный «я». Лицо мое было мокрое от слез...

Но почему же я плакал?.. Я никак не мог этого вспомнить...



Нодар МАЛАЗОНИЯ

КупатЫ

Рассказ

Первые приметы зимы приходят к нам в учреждение значительно раньше, чем об этом сообщают синоптики, фенологи и даже хоккейные комментаторы.

— Пантелеймон Иванович, вы капусту засолили?

— Капусту нет, но баклажаны, тушенные в постном масле, удались такие — с пальцами съешь!..

— И все-таки баклажаны следует мариновать.

— Не уверен, дорогой... Баклажаны хороши с орехами.

— А зеленый перчик с чесночком?!

— Чеснок жена готовит отдельно.

— Эх, фаршированный специями помидор — да к свинине!

— Почему же... Маринованный бурачок...

— Томатный соус с перцем...

— Ткемали...

— Красное ткемали можно без ничего, с хлебом...

— Смилуйтесь, наконец! — воскликнул кто-то из другого угла комнаты.— Я уже давлюсь собственной слюной!..

Кое-как высидев до конца рабочего дня, я примчался домой и набросился на жену:

— Что ты со мной делаешь, женщина?!

— Что случилось? — растерялась она.

— А то случилось, что все суетятся, что-то заготавливают, а мы...

— Что мы?

— А то, что, когда соберешься в деревню к нашим, захватишь пустой чемодан, а обратно привезешь полным.

— Как?

— А так—ткемали, чурчхелы, аджика, соления, варения, парения и так далее. Но все это не то. Надо бы пооригинальнее...

— Купаты! — в порыве вдохновения воскликнула жена.

— Так, так! — Я забарабанил пальцами по кухонному столу, не спеша демонстрировать, что приветствую женину находчивость.

— Ну-ка, прикинем. Значит, если мы будем иметь возможность поджаривать в день по одной купатине, нам понадобится (тридцать помножить на три месяца) — итого девяносто штук... Ну, что ж, решено. Приступай к делу!

На следующий день после исторического решения жена отправилась в деревню за потрохами и прочими необходимыми атрибутами, а я спокойно сидел за рабочим столом и никак не реагировал на заготовительские дебаты сослуживцев.

Вскоре во всю длину лоджии протянулись нанизанные на бечевку и благоухающие щекочущими ноздри ароматами домашние колбасины в количестве девяноста штук — по одной на каждый зимний день.



Семья любовалась натюрмортом, а жена даже попробовала сказать мне комплимент, как вдруг раздался звонок в дверь.

Это был мой друг Авксентий, который сразу же, видимо, ориентируясь на запах, направился в лоджию.

— Даю голову на отрез, если это не купаты! — заявил он.

— Купаты, купаты,— хором подтвердили мы.

— Так что же? Имеешь, значит, домашние купаты и молчишь?!

— Это мы на зиму...— робко отпарировал я.

— Значит, ты полагаешь, что сейчас они мне повредят? Что ж, посмотрим... Где у вас сковородка?

— На кухне,— тихо проронила жена.

Авксентий решительно направился на кухню. В мгновение ока купатина съежилась на сковороде, шипя и потрескивая.

— Так,— удовлетворенно молвил Авксентий,— я думаю, что к купатам очень подходит мчади...

— У нас нет кукурузной муки...— всплеснула руками жена в полном отчаянии.

— Может быть, у вас нет и сулугуни, и «Саперави»? — прищурил глаза Авксентий.— Кстати,— молвил он после некоторой паузы,— напоминаю вам, что «Гастроном» расположен в вашем доме на первом этаже...

Жена покорно отправилась в магазин. Мне было поручено сервировать стол.

— А вы распахните форточку. Купаты имеют обыкновение чадить,— посоветовал он моей теще.

Не успела теща воспользоваться советом Авксентия, как со двора послышался крик:

— Вы чем это там занимаетесь! С ума хотите свести?

Я узнал голос соседа Доментия.

— Купаты жарите?! — вступил второй голос, в котором я узнал соседа Абели.

Через минуту зазвенел продолжительный звонок. Теща пошла открывать дверь. Доментий и Абели бросились к кухне.

— Так вы любите соседей? — заулыбался Доментий. А Абели тем временем вышел снова и вскоре вернулся с улыбающейся супругой Нинуцой.

— Ты посмотри, Нинуца, еще немного и они бы съели купаты без нас? Представляешь?

Поздним вечером, гремя тарелками на кухне, жена диктовала рецепт наших купат Нинуце, а я с соседями уговаривал Авксентия не ходить за седьмой бутылкой, так как после десяти купат красное вино уже не пьется и лучше перейти на кофе с ликером.

Разумеется, наутро на работу я опоздал, и мне сообщили, что вызывал директор.

Я робко вошел в кабинет.

— Ну как купатилось?

— ?!

— Я спрашиваю, с каких пор ты стал приглашать гостей без меня?

— Я их не...

— Знаю, знаю, сейчас ты скажешь, что и купатами их не угощал?!

— Да, но...

— Конечно, купаты еще не по сезону, но сдается мне, сегодня уже похолодало, и вполне можно...

— «Саперави», сулугуни, мчади...

— Я всегда говорил, что ты у меня самый сообразительный сотрудник... Ну, ладно. Иди, работай спокойно. Вечером поговорим.

В отделе было шумно, но когда я набрал домашний номер и, позвав к телефону жену, произнес слово «купаты», все затихли и насторожились. Делать было нечего.

— И вы тоже пожалуйте, если не заняты...

— Посмотрите, какой у него странный голос! Можно подумать, на поминки приглашает. Не беспокойся, конечно же, придем!

В магазине мою жену поздравляли с праздником после закупки целого ящика «Саперави». На сковородах трещали и лопались купаты. После долгих препирательств меня заставили открыть форточку. Дышать, мол, нечем. Тут же в дверях раздался звонок. Зашли Абели и Доменти, ведя с собой скромно упиравшегося Ванечку.

Гости разошлись к утру. Жена в отчаянии стояла в лоджии, переводя взгляд со стола, напоминавшего Ватерлоо, на покачивающуюся пустую бечеву, протянутую через всю лоджию.

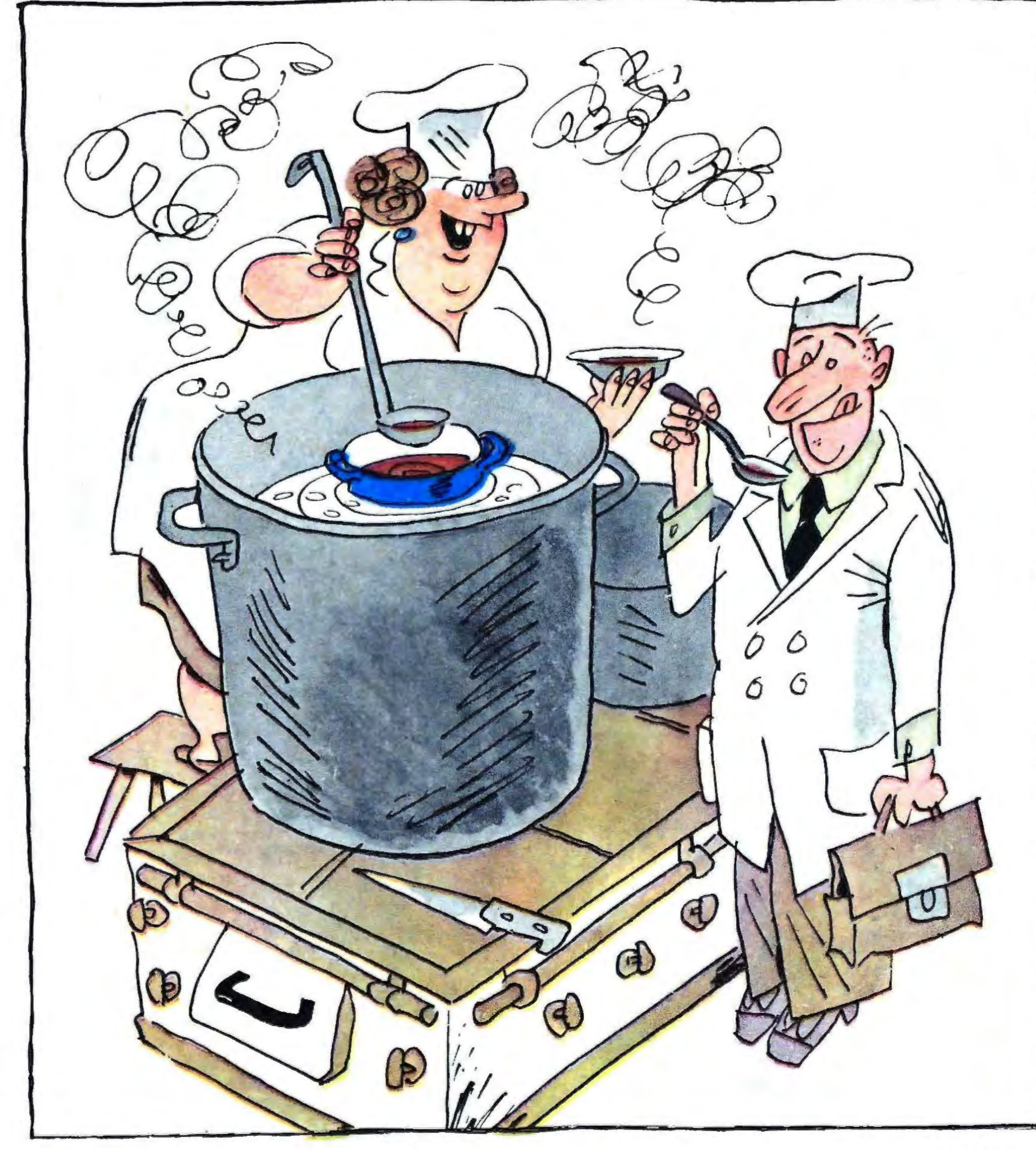
Из дома я вышел с запасом анальгина. На улице мне встретился старый знакомый, которого я не видел уже несколько лет.

— Привет,— начал он,— что случилось? На тебе лица нет.

Я рассказал печальную историю про купаты.

— И тебе не стыдно? Купаты, говоришь, были и не позвал?! — возмутился он и ушел, не прощаясь.

Перевел с грузинского Ю. МОСЕШВИЛИ.



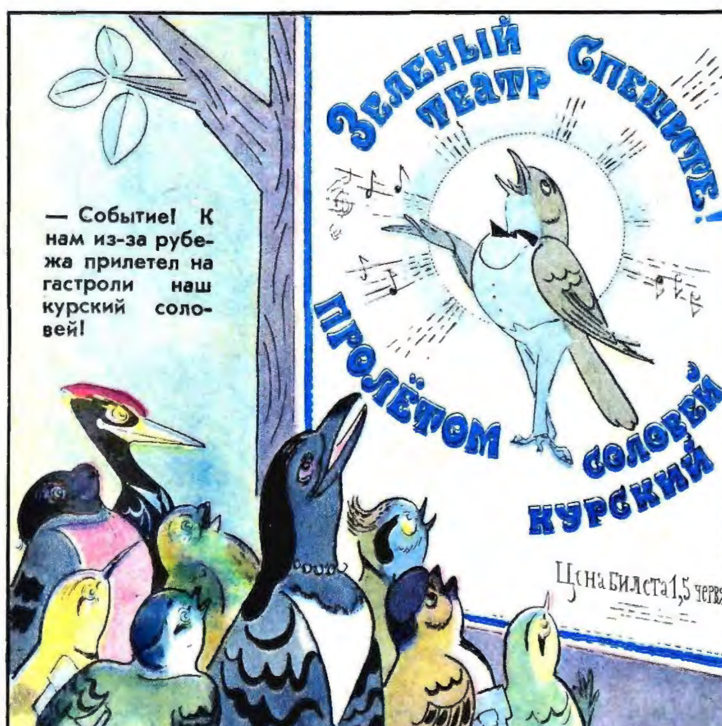
— Готовим по высшей категории...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Петух: — Я считаю, что искусство должно будить!..



Кукушка: — Пусть школа воспитывает!



— Событие! К нам из-за рубежа прилетел на гастроли наш курский соловей!

Рисунки М. БИТНОГО

Л. ЕФИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

СИЗИФОВ ОТДЫХ

Кто ты на работе? Обыкновенный пахарь или простой академик. Но несколько часов лёту под примусный гул турбодвигателей, и вот ты уже стоишь на скале Диво в белых одеждах и сандалиях на босу ногу, и солнце высвечивает нимб вокруг твоей головы.

Мы имеем индустрию курортных перевозок. И множество обыкновенных пахарей и простых академиков одновременно идут на посадку в аэропорту Сочи. И если утром еще ты мог обонять только хвощ, морошку северную и олений корм ягель, то, снявши за целковый койку в сарае, где на зиму складируется товарный мандарин, к вечеру ты сам начинаешь пахнуть, как цитрус.

Но не сразу окунаются в лечебные процедуры нивх, камчадал или житель средней полосы, свалившиеся с неба на Сочи. Поначалу с христовым выражением лица, словно их распяли на гальке, лежат на солнце граждане, прибывшие по поводу хронического ларингита. И стоят на скале Диво несгибаемые парни с диагнозом «острый радикулит». Лишь через пару дней берется за них индустрия здоровья. Нажал кнопку — и помещается в целебное магнитное поле, употребляет кислородный коктейль и погружается в электросон, устраняющий бессонницу как таковую.

Наконец, ты опроцедурился и отполдничал чаем с овсяным коржиком. Что же потом? Имеем ли мы индустрию веселья? Ибо, как сказал, кажется, Амбруаз Паре, веселые люди скорей выздоравливают.



Мандаринов и зрелищ!

Итак, легкий бриз сдувает тебя с набережной. Впрочем, скоро под действием оздоровительных факторов ты превратишься в атланта, способного с кем-нибудь в паре запросто держать на плечах балкон. В атланта с повышенным интересом к культмероприятиям. Особенно в осенне-зимне-весенний период, когда с неба низвергается хлябь и ветер чертит прямо на горизонте ломаный график шторма.

В пансионате «Солнечный» объявляют по радио: «Просьба на киносеансы в одеялах не ходить!» Но, рискуя быть выписанным с уведомлением по месту работы, ты кутаешься в казенное одеяло. Потому что здешнее кино не приспособлено к превратностям погоды. И чем ближе к средьзимью, когда нельзя развертывать искусство на площади, тем более ценится крыша над культпавильоном.

Нет, мы не имеем еще повсеместно индустрии веселья. Более того, наблюдается отрыв материально-технической базы в данной области от растущих культурных запросов отдыхающего по путевке и «дикаря». И даже в курортном поселке Веселое, Краснодарского края, где, по законам словообразования, что ни гражданин, то должен быть весельчак, налицо уныние. Невесело смотрит на меня заведующий клубом Габриэл Пашьян, который развертывает всю зимнюю кружковую работу на полезной площади 12 кв. м. Не аккордеон это, и не растягивается полезная площадь.

Впрочем, не менее смехотворны возможности Адлера, где на тысячу отдыхающих, закрепленных за курортной поликлиникой, один крытый культпавильон на пятьдесят мест. Даже в Гагре, куда в поисках экзотики прибывает турист с Огненной Земли и Зондских островов, нет крытого театра, вследствие чего огнеземец, требующий зрелищ, зябнет вместе с гагрским аборигеном.

В то же время у жемчужины побережья Гагры нет пока утвержденного генплана развития, коим могут сегодня похвастать даже отдельные кишлаки и оленеводческие стойбища.

Конечно, есть и немалые достижения по линии санаторно-курортного зодчества. Например, клубы-дворцы, построенные по самому последнему слову. И я уверен, что на подмостках гагрского дома отдыха «Скала», где директором С. Э. Гаранян, согласился бы выступать МХАТ. Тем более обидно за неорганизованный контингент, сосредоточенный при фруктовых сараях.

Пулька в лоб

Но в общем-то еще в завидном положении большие курортные агломерации типа Ялты и Гагры, куда Главконцерт внедряет большие культурные силы. Где бывала эта веселая женщина Миронова, и Менакер тоже бывал. Где на глазах у испуганных зрителей Кио распиливает ассистентов вместе со сценой.

Но есть на побережье объекты, вовсе не тронутые Главконцертом. Это малые базы, разбросанные в субтропических зарослях. Где не висят натюрморты, на которые изведено несколько кило масла.

Когда я прибыл на оздоровительную базу Ростовской-на-Дону табачной фабрики, затерявшуюся где-то между Адлером и Гагрой, уже наступил сезон одеял. Бег в мешках на танцплощадке здесь давно изжит, как забивающий дыхательные пути табачной крошкой. Более того, посреди танцплощадки стоит отдыхающий по имени Коля, у которого завязаны глаза. Перед ним поставлена задача выйти на тарелку, имеющуюся на другом конце танцплощадки, и вдарить по ней палкой, которая числится за базой как культинвентарь. И унюхал все-таки тарелку в условиях нулевой видимости Коля и со страшной силой вдарил по ней палкой.

Что смолкнул веселия глас?
Посуду жалко!

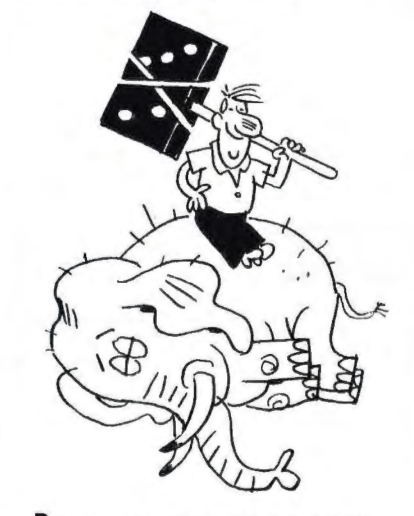
Потом была игра по выдергиванию друг из-под друга веревочки. Но как веревочке ни виться... И тогда культработник по имени Тамара Михайловна объявляет дамское танго.

В далеком феодальном прошлом происходили опустошительные войны из-за поваров. Сегодня главврач тоже пойдет на главврача, если есть хоть небольшая надежда отбить хорошего культработника. Такого, например, как В. В. Нестерцов из того же дома отдыха «Скала», лауреата Всесоюзного конкурса на лучшего массовика.

Да, отдыхающий из года в год культурно подрастает. Не только простой инженер, но и пахарь не путает нынче Ван-Гога с Гогеном. Но путает еще иной культработник, который как бы застыл в своем культурном развитии, который как бы гербарно усох. Бывает даже, что отставные баянисты, фотографы и даже зубные техники, пропущенные через краткосрочные курсы, берутся за организацию культурного досуга отдыхающих масс. Базируются при этом на репертуаре рекомендованном Центральным методическим советом курортов профсоюзов: «Жара нынче ничего, курицы несутся печеными яйцами!» (ответственный за выпуск Г. Е. Загрецкий). Смешно, конечно, отчасти.

Но что возьмешь с оздоровительной базы, затерявшейся где-то между Адлером и Гагрой? Когда даже на танцплощадке ялтинского пансионата «Киев» я наблюдал частичное падение нравов. Явился распорядитель, хихикнул в микрофон и, выключивши свет, предложил всему личному составу пансионата сплясать танго под названием «Без луны».

Нет, недаром уже высказывается мнение, что пора отказаться от культработы старого типа. Когда за цифрами охвата теряется личность как таковая и кругом один преферанс. Когда между танцами и кино для иных культработников пролегает совершенно неисследованная область культуры.



Ваш корреспондент охотится на слонов

У нас наблюдается широкое приложение науки ко всем сферам практической деятельности человека. И стоит нам только поднести ко рту зубную щетку, как оказывается, что она уже электрическая.

И только в области культработы на отдыхе еще кое-где просматривается как бы ранний палеолит. Как бы еще не изобретено колесо, и приходится строгать культинвентарь из древовидного папоротника.

Конечно, на отдельных курортах работают механические аттракционы, как, например, в Ялте, где за гривенник можно сделать «петлю Нестерова». Но председатель Ялтинского горисполкома Д. Д. Вершков, можно сказать, вынул меня из петли, предупредив, что она аварийная.

Поэтому очень кстати директор «Пицунды» Э. Э. Капба пригласил меня поохотиться на слонов. Я истребил их играючи. К концу дня мне посчастливилось также разбить гоночный автомобиль. Жаль, что кончилась мелочь в кармане, иначе я бы торпедировал вражескую подлодку.

Я имею в виду импортные электронные автоматы на скользящих контактах. Правда, инженер-электронщик А. У. Глазков, обслуживающий эту увлекательную машинерию, жаловался мне на то, что ему не хватает галогенных ламп, не хватает запчастей и даже ключи-шестигранки приходится мастерить самому. Но будем считать, что это трудности роста.

Итак, кое-что уже налицо. Но в целом медленно еще внедряется у нас передовая наука и техника в дело культурного отдыха, не вносится необходимое разнообразие.

Поэтому, как взлетно-посадочная полоса, вымощена дорога к морю плитами домино.



Где не ступала рука человека

Неизвестный землепроходец Бровченко Г. П., покинув утром о. Диксон, к вечеру присел отдохнуть прямо на берегу Черного моря. Позади были тысячи километров пути, пройденного на лыжах, собачьих упряжках, вездеходах, самолетах, автобусах и отчасти пешком по сопредельной территории пансионата «Солнечный». Но, не найдя себя в условиях субтропиков, Бровченко Г. П. в тот же вечер напился. И если исследовать причинно-следственные связи, выходит, что он одним махом одолел полпланеты только для того, чтобы переночевать в вытрезвителе города Гагра. Ибо на следующий день Бровченко Г. П. был выписан из пансионата «Солнечный» и отбыл на север — туда же, откуда изошел.

Мы беседуем с начальником Гагрского городского отдела внутренних дел полковником Б. П. Рухадзе. Оказывается, за 1974 год пропущено через вытрезвитель города Гагра более тысячи отдыхающих. И, анализируя эти скорбные цифры, полковник Рухадзе выходит на фактор скуки и незанятости отдыхающих ничем интересным. Когда тебе некуда идти, ты идешь в ресторан, а также в любую субтропическую подворотню, где, может, не ступала еще рука человека.

Нет, не будем отвергать с порога ресторан как фактор сознательного отдыха. Например, вторгаясь в область культуры, директор ресторана «Гагрипш» В. Г. Гагуа добился открытия варьете.

«Ах-ах! — говорили те, которые всегда на страже морали.— Когда варьете, то будут и полуголые».

— Но на пляже еще более полуголые,— доказывал В. Г. Гагуа.

Теперь в ресторане «Гагрипш» идет целомудренное представление при сокращенном употреблении вин. И изучается вопрос об открытии ночного бара (до 2 ночи).

«Ах-ах!»

А в Ялту откуда-то пригнали шхуну колумбовых времен, которую тоже переоборудуют под бар. Это уже индустрия возвышенных впечатлений, надежно удерживающая от того, чтобы свеситься за борт.

Да, нам нужна высокая культура употребления вина. И особенно на отдыхе, где имеется фактор полной раскованности отдыхающего. Ибо нет ничего более утомительного, чем недостаточно продуманный отдых.

Ялта — Адлер — Гагра.



— Понимаете, товарищ укротитель, он успел одичать, пока чинили лифт...

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

Татьяна ШАБАШОВА

А был ли Тхиеу?



У бывшего президента Южного Вьетнама Нгуен Ван Тхиеу много родни. И, естественно, она сильно переживала смещение члена своей семьи с высокого президентского стула.

— Допрыгался! — сокрушенно тряс бороденкой старый, почтенный дядя.

Дядя понуро сидел с трубочкой на крылечке «Дворца независимости»— резиденции президента — и думал о превратностях судьбы. Еще вчера он был дядей президента. Сегодня он просто дядя.

Десять лет пролетело с того дня, когда его племяш, его любимец Нгуенчик стал главой военной хунты. В июне 1965 года газета «Нью-Йорк таймс» писала: «По мнению американских официальных лиц, Тхиеу — наилучший кандидат на пост главы южновьетнамского правительства». Потом главу военной хунты красиво переименовали в «президента». Ах, как в те дни радовался дядя! Как он восхищался президентом США Джонсоном! Ведь это он выдвинул Нгуена. А директор ЦРУ Ричард Хелмс? Добрый шеф! Он просто души в Нгуене не чаял!

За что же теперь?..

Дядя поежился. Из дворца дуло, хлопали двери. Какая-то чернь с бесцеремонным шумом выносила вещички уволенного президента.

— А ну, дед, па-асторони-ись!—задиристо покрикивали грузчики, швыряя в грузовики президентский скарб. Скарбик был, надо думать, не из дешевых, ибо метавшаяся из дворца к грузовикам супруга президента сопровождала каждый ящик громкими возгласами: «Осторожно! Осторожно! Не кантовать, олухи!»

Эти крики, шум и беготня угнетали немолодую, незамужнюю тетю по материнской линии, наблюдавшую за погрузкой. Бледная, унылая тетя Мияу и в хорошие-то времена вечно чуяла недоброе, а сейчас, когда худшие ее опасения оправдались, совсем отчаялась. Говорили, что грустное, постное выражение лица и щуплую фигурку Тхиеу унаследовал от нее.

— Не слушал тетю!—желчно скулила она.—А ведь я говорила, предупреждала! Нет, я не переживу, если этот ферт, этот паук Чан Ван Хыонг сядет на место нашего Нгуена! Что он, умнее его?!

— Мияу, Мияу! Ты же умная женщина! Не завидуй. Все эти Хыонги на минуту. Я видел, как он бегал по улицам и вербовал себе министров. Он хватал их за фалды, сулил всевозможные блага, а те на бегу отбивались от него. Они спешили на самолеты! Нет, здесь — все. Все рухнуло!

— Я это предвидела! Вы все радовались, что американцы потратили на нас полтораста миллиардов долларов, а я уже тогда говорила, что все это пойдет прахом!

— Мияу! — взмолился дядя.— Прошу тебя, не лезь в политику! Что ты могла предвидеть? Американцы отвалили нам столько напалма, что можно было сжечь весь Вьетнам, а что получилось? Пшик! А какую технику нам поставляли! «Электронные носы», которые моментально улавливали приближение партизан. Бедный наш Нгуен, как уповал он на эти носы!

— Уповал! — нервно захохотала тетя.— Уповал на какие-то носы! С ума сойти можно! Я знала, чем все кончится, так и вышло! Все остались с носами — и Пентагон и Нгуен!

— Кузену Нгуену надо было соображать!— выпалила над дядиным ухом распухшая от слез кузина экс-президента. Отставка Тхиеу расстроила ее планы на брак: жених заявил, что не желает, чтобы в его семье пахло политическим трупом.— Как он мог верить этим лживым пентагоновцам, удивляюсь!

— А когда он подарил тебе тысячи гектаров плодороднейшей земли, ты не удивлялась?! — вскипел дядя, пиная ногой чемоданы, которые она тащила к машине.— Да! Нгуен грабил казну! Он расхищал фонды торговых компаний! Спекулировал наркотиками! Но денежки текли и в твои карманы! Вертихвостка! Трепанга!

— Прекратите! — вклинилась трясущаяся от волнения тетя.— Нашли время!

— Вам всем перепало больше, чем мне!— задохнулась от гнева кузина, пиная ногой дядю.— Братцам Кхиеу и Хиеу он презентовал миллионы долларов! Себе и своей дражайшей он отложил про черный денек ше...ше... шестнадцать тонн золота! — Рыдания помешали ей говорить. Сквозь всхлипы и сморкания прорывались отдельные звуки: «Ку...ку...кузен...Де...девяносто ми...ми... миллионов... пи...пи... пиастров...» Непосвященный бы ничего не понял. Но дядя понял. Нгуен действительно купил на государственные средства для своей жены Нгуен Тхи Май Ан виллу за девяносто восемь миллионов пиастров и дом для сына Нгуен Куанг Лона за сорок миллионов пиастров. Дядя хотел было возразить, что и кузина проживала не в хибаре, но та лежала в обмороке, и тетя давала ей нюхать корень женьшеня.

Дядя огляделся. Суматоха у «Дворца независимости» переросла в панику. Машины с воем срывались с места, увозя на аэродром очередную партию вещей и членов убегающей президентской семьи.

Дядя тоже затрусил к черному «кадиллаку» и, втиснувшись внутрь, притулился между узлами и саквояжами. Через несколько часов он будет на Гавайских островах, в Швейцарии, у черта на рогах, только не во Вьетнаме. Хватит с него сайгонского режима! Его согревала мысль о том, что ему зарезервировано место в клозете президентского «боинга-747».

И в ту минуту, когда дядя бросал последний взгляд на «Дворец независимости», двери дворца со скрипом распахнулись и оттуда выволокли любимую вазу бывшего президента. Четверо грузчиков, натужно крича «Р-раз-два, в-взяли!!», пытались взгромоздить махину на грузовик. На эмалевых боках, среди завитков и драконов, ослепительно сияли на солнце золотые слова: «ДОРОГОМУ, НЕЗАМЕНИМОМУ Н. В. ТХИЕУ ОТ ВЕРНОГО ПЕНТАГОНА. ЛЮБИ МЕНЯ, КАК Я ТЕБЯ!»

— Дедуся, а это правда, что нас везут на свалку истории? — весело прощебетал оказавшийся на дядиных коленях малолетний отпрыск.

— Не болтай глупости!— вяло сказал дядя и неуверенно шлепнул несмышленыша.

КОНЕЦ.

Рисунок В. ЖАРИНОВА



ЧИКАГО. Психиатры Северо-западного университета пришли к выводу, что бедняки легче переносят невзгоды, связанные с ростом инфляции и безработицы. Особенно безболезненно проходит для бедняка потеря работы, утверждают врачи, в то время как более состоятельные люди воспринимают увольнение как катастрофу.

Еще один довод в пользу модной ныне в США теории о пользе нищеты...

ТОКИО. Некий Тошикицу Мориучи тайком удрал из больницы, обокрал небольшой ювелирный магазин и вернулся обратно, не заплатив водителю такси. Водитель обратился к полиции, которой не составило труда найти вора. Тошикицу Мориучи признался в преступлении и объяснил, что находится в больнице с января и задолжал за лечение более двухсот тысяч иен, которых у него нет.

ВАШИНГТОН. Сенатор Фрэнк Черч, глава комиссии по расследованию деятельности Центрального разведуправления и других аналогичных учреждений, засыпан заявлениями от бывших шпионов. Все они просят зачислить их на работу в штат комиссии. Мистер Черч пребывает в затруднении: он не знает, то ли эти люди действительно нуждаются в работе и горят желанием разоблачить темные делишки своих бывших начальников, то ли стараются просочиться в комиссию по заданию своих боссов из ЦРУ, с которыми они продолжают тайно сотрудничать.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

НОВАЯ БЛЕСТЯЩАЯ ИДЕЯ

Арт БУХВАЛЬД (США)

Чуть ли не ежедневно появляются новые идеи и проекты, как бороться с энергетическим кризисом. Некоторые из них достаточно сумасбродны, но встречаются и вполне практичные. Я полагаю, что правительству следовало бы взять их на заметку.

Недавно профессор Генри Эппельбаум, который тщательно и всесторонне изучал различные способы экономии тепла, завершил научный труд под названием «Энергетический кризис и проблема общего одеяла». В скором времени эта работа будет рассмотрена в Ассоциации специалистов по термометрам и термостатам.

Сообщив мне эту новость, профессор Эппельбаум заявил:

— Я установил, что наибольшее количество тепла человеческого тела расходуется в постели. Америка больше не может позволить себе такой роскоши, чтобы в каждой постели спал только один человек. Если мы сумеем уговорить американцев спать под общим одеялом, то мы сможем снизить температуру нагревательных приборов в среднем на семь градусов. Представьте себе, какую экономию топлива это даст в масштабах страны!

— Вы, очевидно, имеете в виду супругов? — спросил я.

— В обычное время я ответил бы «да». Но сейчас, когда размеры энергетического бедствия становятся угрожающими, я должен сказать: не только! Идею совместной постели следует внедрить в сознание всех американцев независимо от их родственных и прочих отношений друг с другом.

— Значит, вы считаете эту идею наиболее радикальной для восполнения нехватки тепловой энергии?

— Именно так. Мы должны убедить американцев, что одиночное пользование постелью в нынешних условиях равносильно предательству. Они должны отрешиться от этого эгоцентризма и показать, что дух национального единства может торжествовать и в постели.

— В теории все это выглядит великолепно, — заметил я. — Но уверены ли вы, что так же дело будет обстоять и на практике?

Профессор насупился и раздраженно забарабанил пальцами по столу.

— Я думаю, правительство должно пойти на некоторые меры принудительного характера. Например, граждан, которые настаивают на индивидуальных кроватях, можно было бы обложить особым налогом. Причем этот налог должен быть таким высоким, чтобы человек без колебаний согласился спать под одним одеялом с кем угодно. И наоборот, для тех, кто проявит понимание своего патриотического долга, налог следует снизить. Если допустим, Боб и Кэрол согласятся спать в постели вместе с Тэддом и Алисой, будет справедливо в виде поощрения снизить всем им налог на десять процентов.

— А как быть с теми, кто должен спать отдельно в силу особенностей своей профессии — ну, скажем, с полицейскими, врачами или журналистами?

— Для таких можно сделать исключение. В законе о совмещенных постелях надо предусмотреть, что для лиц, связанных с ночными вызовами, право на одиночную постель сохраняется. Кроме того, можно выдать лицензии на индивидуальную кровать всем, кто по тем или иным причинам не может спать под одним одеялом с кем бы то ни было.

— Как, по вашему мнению, американский народ отреагирует на принудительное объединение постелей?

— Думаю, что американский народ охотно пойдет на эту меру, если смысл ее будет должным образом разъяснен. Тепло человеческого тела является пока что самым мощным источником энергии, которым располагает страна, и мы продержимся до лучших времен, если каждый — подчеркиваю: каждый американец внесет свой вклад в общенациональную кампанию по экономии этой энергии.

— Ну, а допустим, у вас есть огромная пустая кровать, но нет никого, с кем бы вы могли ее разделить. Как тогда?

— Резонный вопрос. Надо будет организовать всеамериканский информационно-постельный центр с филиалами во всех уголках страны. Вы набираете определенный телефонный номер — подобно тому, как в тех случаях, когда требуется неотложная медицинская помощь, — и вам тут же дают справку, кто, в свою очередь, подыскивает партнера по кровати. Естественно, эта информационная служба должна работать круглосуточно.

— Довольно-таки сложная система,— заметил я. — Впрочем, цель оправдывает средства...

Перевод с английского.

черным по белому

— Как видите, мы все же доказали, что гусь свинье товарищ!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Опять эта старуха мешает нам работать!

Рисунок В. САФОНОВА

— Должно быть, из капремонта?!

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

— 7, 8, 9, аут!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

— Мой инструмент показывает: что-то стало холодать!..

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ПОСРАМЛЕННАЯ ПИЗА»

Строители не подвели: как обещали, в срок выстроили новый колхозный клуб в селе Новая Уда, Иркутской области. Но обнаружилось, что они все-таки подвели, так как клуб стал заваливаться набок. Дело было в 1969 году. Строители обещали исправить брак, но так и не собрались. Об этом рассказывалось в заметке «Посрамленная Пиза», опубликованной в № 4 «Крокодила».

Как сообщает заместитель председателя Иркутского облисполкома тов. В. Романов, проверка показала, что при закладке фундамента был допущен брак. Главный инженер строительной организации тов. Ненашев от занимаемой должности освобожден. В настоящее время ведутся работы по укреплению фундамента здания, и в ближайшее время клуб будет сдан в эксплуатацию.

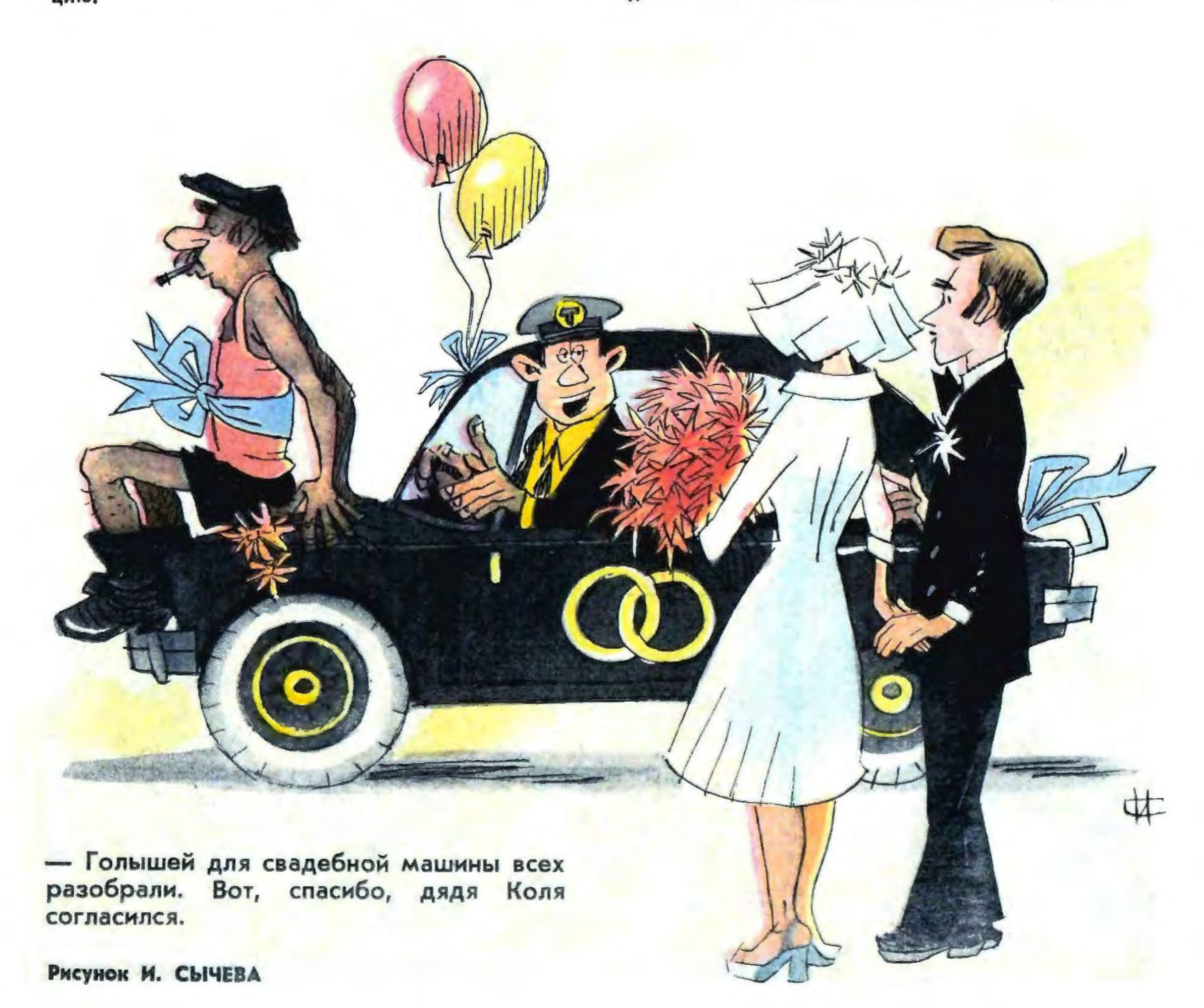
«И ВСЕ РАЗВЕЛИ РУКАМИ...»

Крокодил получил письмо из аула Нижний Батлух от агронома М. Халидова, в доме которого директор местной школы М. Магомедов с приятелями в нетрезвом состоянии учинил хулиганство.

Письмо это было направлено в отдел науки и учебных заведений Дагестанского обкома КПСС. Редакции ответили: «...Хулиганский поступок М. Магомедова был обсужден на партийном собрании школы, и ему объявлен строгий выговор...»

А на поверку оказалось, что М. Магомедов не член партии. Об этом беспрецедентном случае было рассказано в фельетоне «И все развели руками...» («Крокодил» № 1).

Как сообщает секретарь Дагестанского обкома КПСС тов. М. Умаханов, за безответственное отношение к жалобе М. Халидова, что привело к грубым ошибкам и искажениям, заведующему отделом науки и учебных заведений обкома КПСС М. С. Омарову и заместителю заведующего отделом Б. А. Алиевой объявлены выговоры.



— Голышей для свадебной машины всех разобрали. Вот, спасибо, дядя Коля согласился.

Рисунок И. СЫЧЕВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Тело одеревенело, и в нем стучало сердце — так, как стучит коренными подшипниками заклиненный двигатель».

Журнал «За рулем».

«Прошу принять меры к гр. Деркало. У него в хозяйстве есть жена, дети, две свиньи, корова, и все они постоянно пьянствуют».

(Из заявления).

Прислал В. Ярошенко, г. Снигиревка, Николаевской области.

«Продается корова, доится первым теленком».

Прислали Т. Тараторкина, Н. Нестерова, Минусинский район, Красноярского края.

«Объяснительная

По поводу недостачи восьми полушубков могу пояснить, что они имели дыры больше, чем моя голова и даже голова зав. склада, которые я использовал для ремонта других шуб. Для подтверждения прикладываю восемь целых воротников».

Прислал О. Титов, г. Биробиджан.

«Это один из лучших работников уголовного розыска. Чтобы обеспечить спокойствие и общественный порядок в городе, он идет на любое преступление».

(Из выступления).

«Для обеспечения своевременного завершения строительства трубопровода на участке 120—248 км просим прислать двух линейных инженеров с диаметром трубы 500 мм».

(Из деловой переписки).

Прислал А. Миконд, г. Нижневартовск.

«Да, конечно, детская комната больше занимается тем, что приводит к правонарушению детей».

Газета «Ленинградский рабочий».

«Тов. покупатели! В магазин «Дары природы» поступили уцененные товары: пальто демисезонное мужское с 48—52 разм., обувь разная».

(Объявление).

Прислала К. Журавлева, г. Якутск.

«Начальнику отдела внутренних дел г. Дубно тов. Мельнику

Справка

Домоуправление № 1 г. Дубно не имеет претензий к забору по ул. Шевченко.

Управляющий домами № 1

Скоробогатова О. К.».

Прислал П. Бондарчук, г. Дубно, Ровенской области.



Защищать диссертацию...

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

Скамейка

Под деревьями на лавочке
У подъезда номер пять
Можно в центре нашем
справочном
Все доподлинно узнать.

Кто разводится, кто женится,
Кто вчера купил ковер...
Целый день бурлит и пенится
Интересный разговор.

Тот (откуда только денежки!)
Что ни лето — на курорт.
Муж у той (куда же
денешься!..)
Все равно к другой уйдет.

Там вчера, как видно, выпили
И семейный был скандал.
Ту с дежурства, сами видели,
Кто-то ночью провожал.

Никогда они не кончатся —
Интересные дела.
И у всех соседей косточки
Перемыты добела.

И сидят с утра до вечера,
Зной и ветер нипочем,
И квартиры все просвечены,
Как рентгеновским лучом.

Ну, а как закончат прения,
Скажут, горестно вздохнув:
— Не хватает вечно времени
Для домашних дел-то! Уф!

г. Чебоксары.



Б. ПРИВАЛОВ, специальный корреспондент Крокодила

Али-Баба и сорок разбойников

Наконец-то и у юного поколения стало наблюдаться повышение, так сказать, уважения к торговым профессиям. И верно, разве это не привлекательно: в витринах горят неоновые трубки, кладущие розовый блеск на продуктовый муляж; молодцеватые продавцы щеголяют в беретах, словно испанские гранды; повсюду разлиты учтивость и предупредительность: «Обслужить? Взвесить? Завернуть?..»

Вот почему станет понятным волнение, с каким выпускник одной из махачкалинских школ Али-Баба Маджиев переступил порог одного из местных гастрономов.

— Али-Баба? — ухмыльнулся завмаг.— Сказочное имя. А мы, значит, сорок разбойников?

— Совсем и непохожи,— стушевался паренек.— Мне говорили, что вы передовая точка.

— Пусть так,— не стал спорить завмаг.— Вот сделаем тебя материально ответственным за прилавок и вовсе станем передовой. А ну, кто возьмет шефство над новичком?

Сразу же откликнулся старший продавец отдела «Соки — воды». Однако это был наставник особого рода.

— Сколько нынче наторговал? А желаешь вдвое больше? Чтобы, значит, и план вытянуть, и личные доходы составить, и мне процент набросить за инструктаж...

Несколько погрустневший от такого начала, Али-Баба пытался заартачиться. Но наставник таким ласковым голосом расписал шаблонные приемы обмера и обвеса, за которыми должно последовать личное преуспеяние, что новичок дрогнул.

Как известно, отсутствие щепетильности в отношениях с казной чаще всего кончается худо. И уже после первой ревизии, обнаружившей нарушение правил торговли, Али-Бабу наказали. Конечно, покаран он был по заслугам. И все же стал некоторой жертвой шельмы в образе старшего продавца, кстати сказать, вышедшего сухим из фруктовой воды...

Так, увы, иногда выглядит оборотная сторона благонравного дела. Конечно, иной нравственно закаленный юноша может дать отпор любому корыстолюбцу и ловкачу. Но всегда ли это оканчивается благополучно? И тут позвольте рассказать еще об одном случае.

...После демобилизации из армии Шахрутдин Маликов был направлен по комсомольской путевке на межрайонную торговую базу Дагпотребсоюза. Директор сразу же оценил нового заведующего складом:

— Опыту, конечно, с гулькин нос. Но скор, аккуратен, исполнителен. Нет, этот Маликов — мал золотник, да дорог...

По прошествии двух месяцев у склада, оглушительно стреляя мотором, притормозила полукрытая машина. Из нее, кряхтя, выбрались три человека, об одном из которых Маликов мог лишь сказать, что тот работает в строительно-монтажном управлении. Двое других были и вовсе не знакомы.

— Привет сыну заслуженного механизатора! — сказал малознакомый.— Я, Абдурашид Салимов, и двое моих достойных спутников хотели бы обеспечить постельным бельем рабочий класс ПМК-10.

— Обеспечим согласно заявке,— корректно отозвался завскладом.— А документы у вас есть?

— Почему такое недоверие, когда у нас человек человеку друг и даже брат? Есть документы, есть! Вот чековая книжка. Вот доверенность на имя товарища Гаджиева...

— Стоп, машина! — сказал завскладом.— Профильтровать бумаги — дело бухгалтерское. Наше дело — отобрать товар. А кто же тут лично товарищ Гаджиев?

— Вон тот, долговязый.— Салимов кивнул в сторону стриженного ежиком спутника.— Чтобы не заплутаться в ваших катакомбах, он просил его проводить. Так где тут главный финансовый штаб?

Каково же было удивление завскладом, когда через несколько дней на горизонте снова обозначился малознакомый Салимов и, конспиративно отозвав его в дальний угол, попросил зарубить на носу, что в прошлый раз вместе с Гаджиевым товары получал не он, Салимов, а именно главбух ПМК Лященко.

Завскладом понял, что здесь что-то не так, и все же для него было сюрпризом, когда в гости явился следователь прокуратуры и потребовал экстренной ревизии.

— А в чем меня обвиняют?

Обвинение прозвучало уже в гулком зале Верховного суда Дагестана. Оказывается, в передвижной механизированной колонне № 10 треста «Главдагестанводстрой» окопалась шайка расхитителей — этакие «сорок разбойников» во главе с главбухом Лященко. Среди очутившихся под судом был и Салимов. Помимо прочих грехов, он обвинялся еще и в подделке доверенностей, по которым нахапал из разных складов разные товары.

Когда дело докатилось до описанного склада и Маликов подтвердил, что Салимов дважды побывал здесь, тот, бросив в сторону обидчика мстительный взгляд, заявил, что он контактировался с Маликовым, но не для выемки товара, как утверждает последний, а чтобы прихватить для своего же шефа вырученные завскладом деньги за бестоварные операции...

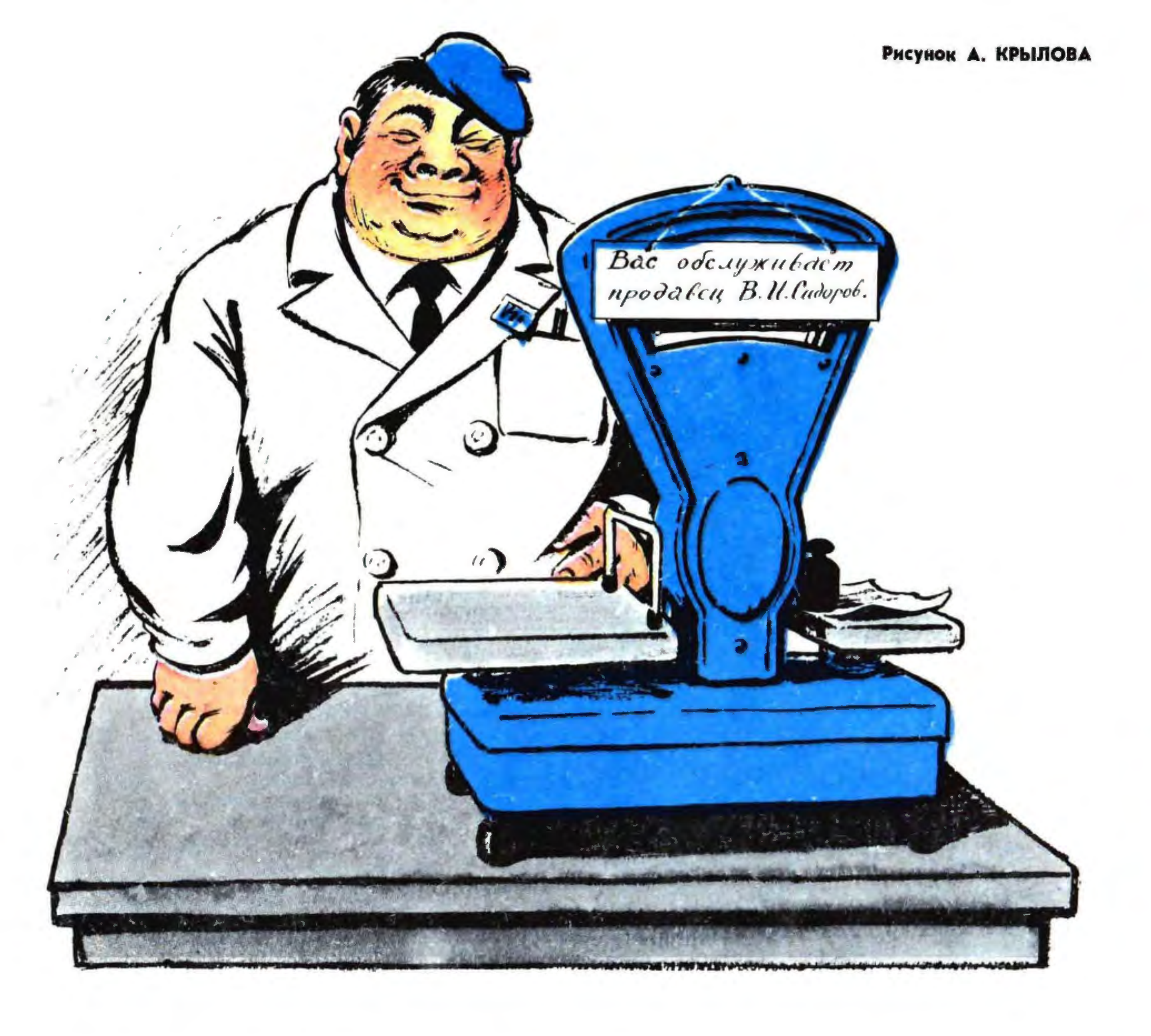
Словом, был сделан коварный финт, превращавший бедного Маликова в соучастника. И если с другими было все ясно, то по поводу Маликова между защитой и обвинителем завязалась оживленная дискуссия. К итогу ее даже прокурор просветлел лицом и выразился в том смысле, что здесь имеет место вульгарный **оговор**.

Уже в зале замелькали платочки родственников, утиравших слезы умиления. Каково же было изумление присутствующих, когда, возвратившись после вдумчивого совещания, судьи неожиданно нашли, что этому прощелыге Салимову нельзя верить ни в чем... кроме той части, где он свидетельствует против Маликова.

В общем и целом задуманная Салимовым месть состоялась. И если подлинные расхитители получили заслуженно по рукам, то похоже, что Маликов попал в их компанию, как известный кур в известные щи... А вы говорите, неоновые лампы, блеск витрин и все такое прочее.

Дагестанская АССР.

Рисунок А. КРЫЛОВА



Мкртич КОРЮН

БЕЗБОЖНИК

Архангел Гавриил пришел с докладом
к богу:
— Районный некий лектор-атеист
Ретив не в меру и речист.
Под нас подкоп ведет он где-то сбоку.
Нахала не мешало б наказать
По-божески,
Легонько, так сказать...
— Я сам его послушаю сначала,—
Сказал господь архангелу в ответ.—
Занятно все же: есть я или нет!
И, спрятав нимб, на землю величаво
Слетел. Уселся в клубе на скамью...
Такую лектор нес галиматью,
Что хлопал бог в ладоши, сколь возможно,
И после Гавриилу объяснил:
— Напрасно ты докладчика честил:
Сей атеист полезен —
Глуп безбожно!

Перевел с армянского Борис ГАЙКОВИЧ.

Евгений Александрович МАТВЕЕВ



Не стало Евгения Матвеева, талантливого фельетониста, обаятельного человека. Он был полон творческих сил, собирался поехать в дальнюю командировку, готовил к печати книгу очерков...

Е. А. Матвеев родился в 1936 году. Окончив Московский энергетический институт, работал инженером на заводе «Электросталь», потом — в электростальской городской газете «Ленинское знамя», где заведовал промышленным отделом. Стал выступать в «Комсомольской правде», пробовать свои силы в сатирическом жанре.

В «Крокодил» он пришел в 1962 году и сразу же привлек внимание читателя своими фельетонами, написанными сочным и самобытным языком. Он очень любил ездить, «открывать» самые отдаленные уголки и районы страны. Постоянным читателям «Крокодила» наверняка запомнились очерки, репортажи, фельетоны Евгения Матвеева, в которых он живо, с лукавым юмором рассказывал о нефтяниках Туркмении, геологах Заполярья, химиках Алтая...

Лучшие из этих материалов неоднократно удостаивались ежегодных премий «Крокодила». При всем том Е. Матвеев никогда не чурался и повседневной редакционной работы — писал заметки, отвечал на письма читателей, делился опытом с начинающими фельетонистами.

Трудно себе представить, что в стенах редакции больше не появится этот высокий, спортивно сложенный, скромный человек — Женя Матвеев. Мы сохраним о нем добрую память.

КРОКОДИЛЬЦЫ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Стефан КВАШНЕВСКИЙ (Польша)

Плащ

Как-то пошли мы с Ромкой покупать плащ.

— Пойдемте со мной, — сказал он,— всегда лучше, если кто-то посоветует, какой цвет выбрать или фасон. А если сэкономим, сразу же и обмоем покупку.

Конечно, все охотно согласились.

— А сколько у тебя на плащ?— спросил Казик.

— Жена дала пятьсот пятьдесят злотых...

— Ну, этого хватит,— заверил Антош.

— Только она велела принести сдачу,— предупредил Ромка.

— Хватит и на сдачу,— успокоил я всю компанию, которая начала было волноваться.— Мы можем даже авансом по рюмочке пропустить.

— Конечно,— поддержал меня Фелек.— Вполне можем выпить по рюмочке.

— Пожалуй,— не очень уверенно согласился Ромка.

Так мы и сделали. Народу в ресторанчике было много.

— Лучше всего приходить в первом часу,— сказал Антош, наливая водку.

— В крайнем случае до двух,— заметил Казик.

— А магазины когда закрываются? — спросил Фелек.

— Не волнуйтесь, время еще есть,— сказал я.— Не люблю паникеров.

— А может, пообедаем, раз мы уже здесь? — предложил Антош.

— Братцы, а на плащ нам хватит? — Ромка с опасением посмотрел на нас.

— Да ты что, смеешься, за триста злотых купим! — уверил его Фелек.— А здесь? Самое большее сотню истратим.

Ошиблись мы на самую малость: обед стоил нам сто восемьдесят злотых.

— Еще и на кофе хватит,— рассчитали мы.

— Ну, это уж после плаща! — взмолился Ромка.

— Ладно,— согласились мы хором.

По дороге в магазин мы рассуждали о предстоящей покупке.

— А ведь можно и за двести пятьдесят злотых купить,— размечтался Казик.

Мы посмотрели плащи в нескольких магазинах, но ни один нам не понравился. Все они были какие-то претенциозные. А Ромка — парень скромный.

— Ты будешь выглядеть в таком плаще, как пижон,— сказал Фелек.

— И обязан будешь купить к нему шляпу,— добавил Казик.

— И вообще плащи не для модничанья,— вздохнул Антош.

В конце концов Ромка выбрал себе плащ за триста семьдесят злотых. Он даже не хотел его снимать и все смотрел на себя в зеркало.

Мы все возмутились.

— Немногого ты добьешься в жизни, если будешь так сорить деньгами,— нравоучительно сказал Казик.

— Ты подумай лучше,— заметил Антош,— ведь плащи носят в плохую погоду. Какой же смысл надевать что-нибудь хорошее?

— И вообще при нашем климате можно прямо из зимнего пальто перейти на пиджак и наоборот,— сказал Казик.

Ромка боролся с собой.

— Ну хорошо... А что я жене скажу? Не можем же мы все пропить...

— Пойдем,— решительно сказал я.— Дело прежде всего.

Купили мы плащ на барахолке. Выторговали за сто пятьдесят злотых. У него были короткие рукава, и Ромка жаловался, что он жмет ему под мышками, но мы уверили его, что плащ разносится. Ромка немного скис, но ненадолго.

Когда мы обмыли плащ и провожали Ромку под руки домой, он пел вместе с нами в самом лучшем настроении. Только перед домом он посерьезнел:

— Слушайте... Я ведь должен был принести сдачу... А у меня ни гроша не осталось...

Мы насобирали ему два злотых мелочью. Не нравятся мне эти крохоборы!

Перевел Л. ЛАЙНЕР.



— Вы уверены, что это совпадение? Она пропадала семь раз, и вы объявили семь пик!

«Инглиш мантли», Англия.



— Двадцать четыре года без повышения зарплаты! Согласитесь, что жаль было бы портить такой замечательный рекорд.

«Крисчен сайенс монитор», США.

— Неправда, что все шотландцы черствые люди,— сказал старый шотландец.— Мы вот недавно играли с друзьями в покер, и один из них вдруг схватился за сердце и упал. Больше он не поднялся. И, смею вас уверить, мы приняли это очень близко к сердцу — кончили партию стоя.

●

Посетительница вернисажа обратилась к художнику:

— Я хотела бы что-нибудь недорогое, желательно масло. Что вы мне посоветуете?

— Гм... пожалуй, лучше всего вам купить бутылку подсолнечного.

●

УЛЫБКИ

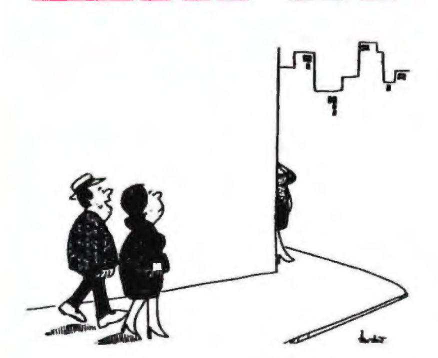
— Мальчик, что ты делаешь на дереве в чужом саду?

— Видите ли, синьор, одно из ваших яблок упало, и я хотел повесить его обратно.

●



«Лудаш мати», Венгрия.



— Смотри! Моя секретарша!

«Биллед-бладет», Дания.

— Не могу больше видеть свою жену! Прямо уши мне прожужжала — все время повторяет одно и то же целых три месяца подряд.

— А что она от тебя хочет?

— Чтобы я вынес из квартиры новогоднюю елку.

●

— Нет, нет, милый друг, я уже похоронила трех мужей и твердо решила, что лучше уж мне остаться вдовой.

— Давайте попробуем в четвертый раз. Может быть, теперь все получится наоборот?

●



«Пари-матч», Франция.

— Скажите, пожалуйста, фрау Шмидт, это правда, что вы покупаете пианино? Разве кто-нибудь в вашей семье умеет играть?

— Еще нет. Но завтра придет один наш знакомый и покажет, как это делается.

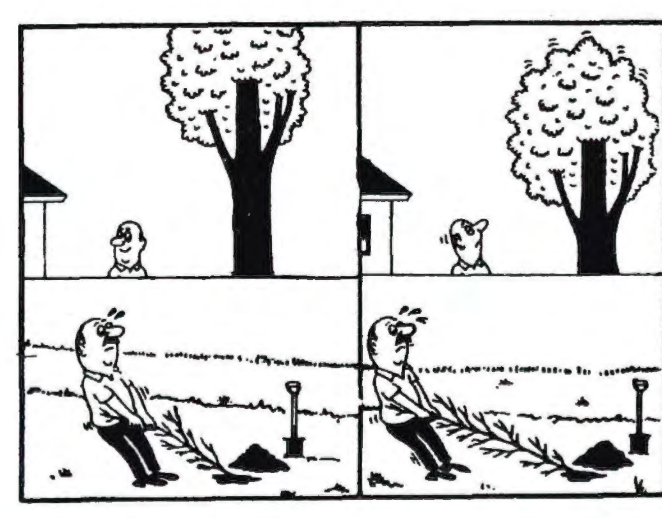
●

Посетитель — официанту:

— Извините, но в моем пиве плавает муха.

— Господи, какой мелочный народ пошел! — взрывается официант.— Ну сколько может выпить пива одна муха?

●



«Се», Швеция.

РАЗНЫХ ШИРОТ

Якуб ОБЛОМОВСКИЙ (Чехословакия)

СОЛОМЕННЫЙ ВДОВЕЦ

Жена нежно поцеловала меня на прощание и сказала:

— Ну, дорогой, не грусти и будь внимателен, закрывай воду и газ, поливай цветы, кончай наконец свою повесть, а главное: звони мне каждый вечер!

Она села в автомобиль и уехала.

Камень упал с моего сердца. Я вразвалочку подошел к ближайшей лавочке и уселся на нее так, как могут сидеть только люди, которым предстоят две недели беззаботной жизни.

А теперь, подумал я, теперь что-то должно произойти. Что-то потрясающее и небывалое. Ведь хорошее начало — половина успеха. Ну, например, к подъезду мог бы подъехать сверкающий лимузин. За рулем сидела бы фантастическая блондинка с фантастически длинными ногами и с фантастическими голубыми глазами. Она высунулась бы из окошка, глянула на меня своими голубыми озерами и музыкальным голоском спросила:

— Простите, вы случайно не тот знаменитый писатель Эрно Хеймигланц?

— Случайно тот,— ответил бы я, выпуская элегантное облачко дыма.

— О маэстро, я так рада,— пропела бы она.— Не хотели бы вы сесть ко мне в машину?

— А куда вы меня повезете? — спросил бы тогда я.

— Ах, хоть на край света! — потупя глаза, ответила бы она.

И тогда, думаю, я сел бы рядом с ней...

От грез меня пробудил звук гудка. У подъезда стоял роскошный лимузин, из которого выглядывала фантастическая женщина с золотыми волосами, длинными ногами и с... голубыми глазами.

— Простите,— раздался ее мелодичный голосок,— вы случайно не Эрно Хеймигланц? Писатель?

— Случайно я,— ответил я, лихорадочно закуривая сигарету.

— О, я так рада! — воскликнула она.— Прошу вас, садитесь скорее в мою машину!

— А куда вы меня отвезете? — спросил я дрожащим голосом.

— Тут недалеко,— ответила она.— Ваша жена врезалась в столб и помяла машину. Она очень расстроена и просила меня, чтобы я вас привезла. Ну садитесь же!

Что мне оставалось — я сел.

Перевел И. ЛИПСИЦ.

КРОКОДИЛ

№ 14 (2132)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»



ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали А. Алешичев, Г. Андрианов, И. Анчуков (г. Воронеж), М. Битный, М. Вайсборд, Е. Горохов, В. Жаринов, В. Маркин, Е. Милутка, А. Морев, В. Мохов, К. Невлер, И. Норинский, И. Сычев, М. Ушац, Е. Шукаев.



ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 23/IV 1975 г. А 00833. Подписано к печати 6/V 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 508 550). Изд. № 1061. Заказ № 542.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Обработал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Рисунок
Е. ШУКАЕВА



— Повезло этому вьетнамскому мальчишке — он попал в семью Джонсов.
— Еще больше мальчугану повезло во Вьетнаме, когда в него не попал сын Джонсов.